

Китик Владислав Адрианович, 1954 года рождения. Образование высшее. Был моряком, мастером, слесарем, кочегаром. Последние годы работает в одесских газетах.

Стихи публиковались в местной прессе, коллективном сборнике «Горизонт», журналах «Радуга», «Работница», «Смена». Первый сборник «Встреча», объединяющий еще двух авторов, вышел в 1991 году. После этого выпустил еще несколько сборников.

Владислав Китик

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

*Владислав
Китик*

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Поэзия

Одесса
«Астропринт»
2017

УДК 821.161.1(477)-1
ББК 84(4Ук=Р)7-5
К452

«Внутренний голос» — новая книга стихов одесского поэта Владислава Китика. В них звучат основные мотивы философской лирики. В основу автор положил раздумья о смысле жизни и нравственных человеческих ценностях. Говоря о родине, он внимательно всматривается в драматические приметы настоящего, в котором звучит тревога за день завтрашний. Главной задачей лирического героя является самовыражение, способ находить содержание и значимость в самых обыденных вещах.

*Книга вышла при поддержке
порта «Черноморск»*

СРЕДСТВО СВОБОДНОЙ РЕЧИ

Бывает такое: человек говорит, не задумываясь, машинально, а получаются у него — стихи, в которых вдруг узнаёшь многое, что тебе дорого, чем ты дышишь...

Называется это «Божий Дар». Такое же впечатление у меня появилось, когда впервые попали ко мне стихи Владислава Китика, моряка из Одессы: я, выпускник философского факультета, вдруг почуял в авторе брата, настолько мощным был философский подтекст его стихотворений.

Новая книга «Внутренний голос» — подтверждение этому. Правду чувствуешь сразу. Может, кого-то удивят такие слова, но только настоящие поэты знают, что соврать в стихах невозможно, они должны исходить от Музы, которая выступает в роли внутреннего голоса поэта, поскольку Муза поэта — это его чистая совесть.

Точность его оценки исключительная:

И женщины, что к всенощной идут,
Прозящим молча — молча подают,
Не спрашивая их, в кого стреляли.

или:

Будто всё, что свершилось
и что никогда не случится,
Но случиться могло бы —
и есть настоящая жизнь.

Каждая его строка точно выверена — нет неправильных ударений, легко осуществляет-

ся размер стиха, нет насилия над строкой, при этом стихи звучат мелодией, и в них излагается настоящая мудрость:

Мир только кажется округлым,
Увиденным в дверной глазок.

или:

От себя уходя, неизменно
Ты приходишь к другому себе.

И ещё:

Не страшно море пересечь,
А страшно с родиной проститься:
С дыханьем оборвётся речь...

Здесь есть всё: и неожиданная реализация древнего мифа:

...Огромный бык лежит на берегу.
Глядит на море. Ждёт свою Европу.

и нынешняя сумятица чувств:

Разве орден лучше бабы?
На хрена тебе война?

или:

И Авель есть во мне, и Каин,
И страшно их признать обоих.

Он действительно просто говорит, а получают-ся стихи, и они приносят истину:

И снова время, тихое, как тать,
Крадёт мечты, а говорят, что лечит.

Штампов в строках нет. Критик всегда говорит сам. Именно это и ценно:

Иная жизнь возможна, как всегда,
Но мы пока и к этой не готовы.

Поэт не должен придумывать стихи — он должен просто говорить. Стихи — не танец, это — путь, по которому идёшь, который видишь, слышишь, обоняешь и что-то на нём делаешь. И то, что ты о нём говоришь, не должно быть красивыми словами, а должно быть настоящей травой, шелестящим ветром, синим небом, жгучим солнцем, кричащей птицей, колючкой, на которую наступила твоя босая нога, любовью, ненавистью — всем, что ты видишь и чувствуешь. Причём не написанным на бумаге, а настоящим, именно тем, что тебя окружает и с тобой происходит.

И поэзия в этом смысле — не самоцель, но средство свободной речи. Тогда это — поэзия. Всё прочее — стихотворчество, «литература», как сказал Поль Верлен.

И вот последняя цитата:

— Я всех простил, я не отрёкся
Ни от кого.

Вы не ошиблись, читатель, выбирая книгу: это действительно свободная речь, надиктованная внутренним голосом, то есть Музой. Вам повезло.

Поэт Василь ДРОБОТ,
г. Киев

**ТАК
ПРИБЫВАЕТ
ВЕК**

ВЛЮБЛЕННЫМ В ГОРОД ОДЕССИТАМ

Фанты те же. Ветер — свежий.
Зелень детства городского,
Говор улицы Манежной,
Близость гомона морского.

Бельевых прищепок бусы
От досады бесталанной
Отвлекут,
но жить по вкусу
Все равно не по карману.

Под нетрезвые коленца
Шебутного переулка
Светской жизни кинолента
Растревожит эхом гулким

Чувства, что давно вне моды,
Вне придирчивой морали.
Ночь.

Вздыхают пароходы
В млечной ауре печали.

Только кто под небом южным
Оставался безутешным
Даже в полдень равнодушный,
Даже... полночью кромешной?

* * *

Как гул со штормовым предупреждением,
Как довод, наспех взятый с потолка,
Без повода, нахлынуло волнение...
Так ворошит бегущая строка

В зернистых фактах спрятанную ересь,
Так, обращая внутрь замлевший взгляд,
Вздыхают и живут, надеждой греясь,
И наполняют смыслом снегопад.

Так втайне ждут подарка в день рожденья
И, разделив себя и большинство,
Считают этот праздник днем творенья
Границ и знаков мира своего.

Так смотрят: месяц к небу приторочен,
Но чтоб волнение не пропало зря,
Еще лежат, еще не спят полночи,
Воображеньем будущность творя.

* * *

Холод вкрадчивый, как аноним,
Осыпаются кроны платанов,
Жить хронической грустью больным, —
Все равно, что любить непрестанно,

Неустанно удачу пытаться,
И на прописях стачивать перья,
И в беспамятстве копыя ломать,
И потом сожалеть. Но теперь я

Прошлой суетности даже рад.
Распрямяю с дыханием плечи
И на смотр вызываю парад
Нестыковок и противоречий.

И сквозь веки, как поздний рассвет,
Провожая их марш неизбежный.
Так же возраста иммунитет
Побуждает к движениям неспешным.

Так одно выбираешь из двух,
Уравняв рычаги перекосов,
Упредив утончившийся слух
От риторики лишних вопросов.

Так окраску меняет листва,
Так на миг замираешь от счастья,
Запустив холодок в рукава,
Улыбаясь в преддверье ненастья.

* * *

Ах, родина, лучистая вода.
Источник вечный бесконечной жажды.
Правительственной власти? Как когда...
Отечеству — не присягают дважды.

Подспудно знаем мы до колыбели
С чем торг вести, чего не выбирают.
И запах яблок проникает в щели,
И гибель предстает солдатским раем.

Нескошенная клонится трава,
Чернеет солнце, воронье жирует.
Неужто вновь — ордою — татарва?
Нет, это новобранцы маршируют.

Кто в небеса, кто в землю: где герои?
Нет никого. И тихо. Слишком тихо!..
А чисто поле стало полем боя.
...Когда теперь на нем взойдет гречиха?

* * *

Угловатые контуры крыш,
Предрассветных огней многоточья,
Дальше — мыслящий бурый камыш,
Степь и трав перемерзшие клочья.

Не додумать, ни дать, ни отнять, —
Край судьбы: ближе нет и не надо.
...Есть ли тот, кто крамольную мать
Не склонял здесь от брэнной досады?

Обезбашенный ветер, кружа,
Превращает дорогу в мытарства, —
Так незримо проходит межа
Между родиной и государством.

Брови пашен в черту сведены,
Не меняя акценты местами
На январской холстине страны,
Символично расшитой крестами.

Так закончился теплый сезон,
Снова снег в неустроенном мире.
Три десятка шагов — и заслон,
Как в закрывшемся на зиму тире.

Мусор. Изгородь. И — никого.
И дырявых досок заусенцы.
И щемящая мысль: какво
Подставлять под прицел свое сердце.

* * *

Как сон, проходит пуля стороной,
Встает заря, глаза дымами выев.
И ей в ответ державною мощной
Опять трясет многострадальный Киев.

Приснопрестольный город городов,
Где сто дорог сошлись на пепелище.
На всех больных не напасть бинтов,
Не разрешить всех бед на толковище,

Где каждый прав.

И потому — не прав.

Где мир, лишенный нежностей телячьих,
Не понимает, сердца не сдержав,
Куда уводит зрячего незрячий?

...Смертельный трюк в столичном шапито:
Припав к прикладам, целятся слепые.
Безродна пуля, — ей-то, дуре, что?
Свои, чужие... Пришлые... Любые...

* * *

Рельс, как блестящий след болида,
Раздвинув просекою лес,
Несется, уходя из виду,
Наперекор, наперерез
Реке, равнине, окоему,
Проводит бритвой по мосту,
И эхо отдается громом,
Вдали отставшим за версту.

В пространство вклиниваясь рогом,
Вперед по выжженным корням
Бежит железная дорога
Под стать железным временам.
Они и душу перемерят
Своим оковным колдовством,
Не став любовью — переменят,
Взрастят, не ставши естеством.

* * *

День базарный, плачется гармошка,
Рядом с костылем пустая плошка,
Бомж, народ беспечностью дразня,
Ни царя, ни родину не славит,
Выпил водки, сволочь, и гнусавит:
«Граждане, послушайте меня...»

Это же не те, сороковые!..
Что ж фартовой песней, как впервые,
Обжигает ХХI век?
Гей-парады, фикс-идеи в массах,
Бой без правил... Деньги мимо кассы...
Здесь в борьбе потерян человек!

Вот он — попрошайка, просит слова.
Что он скажет? Ничего такого!
А совет, так Бог ему судья.
Надо ли, смущая окруженье,
Петь по праву самовыраженья,
Не собрав за это ни копья?

Рынок. Офис. Гул пустой котельной.
Стук колес на станции Раздельной,
Грунтовой дороги размазня.
А вдогонку хрипкое, хмельное,
А навстречу то же — сволочное:
«Граждане, а я?»

А кто же я?..

* * *

Не нужно им ни званий, ни наград,
Ни обещаний...

В мареве заката
В одной шеренге с нищими стоят
На паперти вчерашние солдаты.

То в землю упирающийся взгляд,
То шапка, дном повернутая к небу,
О будничном желанье говорят
Вином разжиться и краюхой хлеба.

Творит звонарь свой колокольный труд.
Мерцают одинокие медали.
И женщины, что к всенощной идут,
Прозящим молча — молча подают,
Не спрашивая их, в кого стреляли.

* * *

Предположений больше, чем открытий.
Любой сторожки леденцовый кров
В лицо швыряет ворохом событий,
И застит мысль, и баламутит кровь.
И, словно встарь над половецким станом,
Рвут небо в клочья дымные костры,
Кругом грохочет время в барабаны,
Бросая в дрожь задворки и миры.
И, как для куража, плясать от печки
Пойдет февраль...
На взгляд со стороны
Безгорестно почти, почти беспечно.
Как оправданья, хочется весны.

* * *

Мы будем охать и терпеть,
И каяться в чаду терпенья.
И, чтоб не вызвать подозренья,
Подозревать другого впредь.

Нас оскорбят — мы промолчим,
Толкнут — мы робко не заметим.
Пожав плечами, помычим,
Безмолвно огорчаясь этим.

И, чтобы правду разлюбить,
Начнем, сощурившись, лукавить,
В душе желая все исправить,
Но — недовольство в ней копить.

А мир не добр и не жесток,
И не перезагружен «Гуглем».
Он только кажется округлым,
Увиденным в дверной глазок.

ХОДИКИ

День — зрелище. Страна — арена.
Дерзаний остывает прах
На мелодичных, на степенных,
На рассудительных часах.

Чеканят гирьки воскресенье,
Того гляди, придет черед —
Накличут вновь столпотворенье
Пустых забот, тупых острот.

Печали те же, торги те же,
Экклезиастова тоска.
Нам врут не чаще и не реже,
Чем ввали в прежние века.

С того ли ходики вздыхают,
Что в круге будней роковых
Хандра ли, праздники бывают,
Но не бывает выходных.

* * *

Его душа — ровесница Земли.
Он был ее огнем и горстью пепла,
Молекулой, в чей генный код вошли
Все силы созиданья.

Море пело
В его крови. Он осушал болота,
Пил воду корнем, был во тьме веков
Копытом вепря, зубом кашалота,
Алхимиком, погонщиком ослов,
Бродягой, ловчим.

С грохотом волны
Соизмерял азарт первопроходца,
В пустыне задыхался, рыл колодцы
И, разлюбив превратности войны,
Свой боевой топор зарыл в песке.
Поднялся майским карпом по реке,
Был пойман, съеден. Но покинул чрево,
Став божеством. Любви целебной древо
Взлелеял. Словом врачевал обиды...

Зеленые предания друидов
Так повествуют.
Смертным человеком
Пришел состыковать он пазлы века.

И обомлел!.. Здесь творческую глину
Небрежно превращали в чашу гнева,
Искали факт в отрыве от причины
Вопль о возмездье обращали к небу,
Неведенье оправдывали страхом

И для забвенья посыпали прахом
Бесчувственной эпохи алтари.
Он в мир пришел, чтоб мир благодарить,
Цепь воплощений не считать тяжелым
Наследьем.

Здесь, возможностями нищ,
Бессильем горд, он лег на землю ниц.
Закрыв глаза. И превратился в желудь.

* * *

Глянешь в форточку — словно занозы
Колют щеки. И студит во рту.
Будешь вновь обжигаться морозом
И далекую торить версту.

Так в тепле разомлевшие стены
Вдруг напомнят о снежной тропе.
От себя уходя, неизменно
Ты приходишь к другому себе.

И поскольку уже невозможно
Изменить, что дано на роду,
Повернешься,дохнешь осторожно
И продышишь сердечко во льду.

* * *

...И все ж, дурачась, ветерок
Недаром день вчерашний кличет,
А истины высокий слог
Не зря с обыденным граничит.

Найти ли этот звонкий стык?
Поймать ли ветер вездесущий?
Вернуть неповторимый миг,
Который был тобой упущен?..

ДОМ

Мой дом — посланье.
Тронет сквозняком
Зачеркнутые временем страницы.
Мы заново друг друга узнаем.
В смущенье это подтверждает дом
Еловым скрипом певчей половицы.

Светает. В сердце теплится лампада,
Так хорошо, что большего не надо.
Одушевляя старину в округе
И родину, мы будем жить друг в друге.

НА КУХНЕ

Солонка на столе и лук,
Початая бутылка пива.
Нетороплив ночной досуг,
К словам бумага терпелива,
Скрывает тайну каждый звук:
Урчанье труб, шипенье газа, —
Неощутимую для рук,
Неразличимую для глаза.
К чему упорствовать, — пора
Вернуться к точке невозврата:
Домой.

Здесь отчего добра
На грош, да заумей палата.
Но есть в углах и закромах
Порядок свой и беззаконье.
Где грех привадился, там — страх,
Где совесть, там корит бессоннье.
Теперь довольно и того,
Что есть, не сделалось бы хуже.
С весной проснется естество, —
И стены выбелишь снаружи.
Но прежде, чем воспринял я
Все приходящее как милость,
И соль рассыпалась моя,
И зеркало мое разбилось.

ДОМОВОЙ

Прощай, привычных стен укрытье.
Охотнику до смены мест
Всегда приятен переезд
И новоселье с чаепитьем.

Под лязганье пустых кастрюль,
На кипах книжных упаковок
Сегодня выпится июль,
Привыкший к легкости ночевок,
И с плечиков старье терять,
Как лишний вес в парной,
и цену

Твореньям дня определять.
Скрипуче возвестит кровать,
Насколько тело наше бренно.

А домовый перстом маячит
В двери, хлопочет больше всех,
Латает сквозняки прорех
И долго со сверчком судачит,
Что на других сердиться грех.

Когда ж наскучит старику,
Что зябко и темнеет в восемь,
Он подберет шесток сверчку,
Подсунет блошку в бок щенку,
Нож украдет.

И — встретим осень.

* * *

Я чувствовал, хотя не знал,
Назначенных грядущим бедствий.
И ветер в ухо мне дышал,
Что мой отъезд — попытка бегства.

Не страшно море пересечь,
А страшно с родиной проститься:
С дыханьем оборвется речь,
Умолкнут для сознания птицы,

Оркестры, поезда напев...
Я мешкаю, как гость в передней.
И на далекий путь присев,
Не делаю свой шаг последний.

Здесь в окнах страх, насытый быт,
Тупая боль набитых шишек,
Великодушья дефицит
И демократии излишек.

Но здесь и родины секрет,
Что скрыли времена и дали,
Исконной той, которой нет,
Какую у меня украли.

НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

...Лишь крутит ветер пыль в солончаках.
Лишь море беспокойно, как держава.
Покачивая небо на рогах,
Бредут коровы. Засыхают травы.

В горячих чреслах грусть и молоко.
В глазах лиловых соль и поволока.
И в родословной памяти легко
Заметен след колхозного оброка.

Сижу поодаль. Время стерегу.
Так тихо, как в преддверии потопа.
...Огромный бык лежит на берегу.
Глядит на море. Ждет свою Европу.

ПЕРЕПРАВА

Не зевай, матрос-браток,
Заводи свой катерок
Да бросай смолить сигарку:
Курс на северо-восток.

Телеграф поставь на «Товсь».
Душу к плаванью готовь.
Едем, бражник-каботажник.
На хрена тебе любовь?

Катерок гребет-пыхтит,
Пена белая бурлит,
Хоть ты сетуй, хоть не сетуй, —
Нет в лимане Афродит.

За бортами тишь да гладь,
Как на борт народ не взять
Да старушку, что под руку
Может надвое сказать?

Реет чаек фейерверк.
Грибников свистать наверх!
Знают ехать по маслята,
После дождичка, в четверг.

Лейтенант, ядрена вошь,
Ну а ты куда плывешь?
Вот застрелишь супостата,
До майора дорастешь.

Наградит тебя страна,
Подбоченится жена.
Разве орден лучше бабы?
На хрена тебе война?

Так бытуем, как плывем.
Доплывем — так заживем.
Жалко, берега не видно,
Только светлый оком.

Катерок ретив, хоть мал,
Нипочем ему аврал.
Живы будем, — не потонем,
Если боцман не соврал.

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА

Решил служить престолу, так батрачь.
Трон шаток? Да! Но я — опора трона
И враг инакомыслия: палач!
Я — верный пес и жалкий раб закона.

Во мне ни милосердья нет, ни зла,
Свободен мозг от рассуждений вечных.
Сомненья прочь, как крошки со стола.
Так матерееет мастер дел заплочных.

Да, я не выбирал свою судьбу,
Да, наводил чугунных пушек жерла.
Палач обязан презирать толпу,
Ведь палачу необходима жертва.

Так мы друг с другом связаны всегда:
Не будет жертвы, если нет острастки.
Как ярок ужас чьих-то глаз, когда
С лица спадает черная повязка.

Мне одному известно, как впотьмах
Приходят обезглавленные души,
И, словно страсть, охватывает страх
И даже яд вина его не глушит.

Как хорошо, что крепко спит жена,
Согрев кровать, сколоченную грубо,
Она во всем покорна и верна,
Но, уступая, не целует в губы,

И никого не приглашает в дом.
Ей, чтоб уклад советом не нарушить,
Дано с ее натруженным умом
Терпеть и наблюдать, молчать и слушать,

Без притязаний, сдерживая плач.
Но ей ли знать, среди кастрюль и мисок,
Что есть судья, властитель и палач, —
У прочих нет таких тяжелых миссий.

Под вечер плата, — значит, казнь с утра,
Мой долг — моя поденная работа.
Стекает небо с кромки топора,
И осень красным кроет позолоту.

Потом зима. Что дальше? Знай держись!
Власть при деньгах. Народ обезоружен.
Меня не может уничтожить жизнь.
Да, я ей чужд. Но, по несчастью, — нужен.

МОИСЕЙ

Привел, и спас, и жертвенник воздвиг,
И ощутил, внимая стаям птичьим,
Что он не старец, а простой старик,
Под вынужденным согнутый величьем.

Не мог он ждать участия от родных,
Кровь разогреть вином, боясь огласки,
Вкусить очарованье женской ласки,
Такой доступной тысячам других.

И, наконец, мудрец не знал того,
Как воды одиночества глухого
Преодолеть.

Народ был весел снова,
Любил чревоугодь, шутовство,
О доблестях чужих судил толково,
И забывал пророческое слово,
Когда пророка славил своего.

* * *

Виктору Женченко

Опять качнутся осенью Весы,
Чтоб чаши помирить со знаком Девы.
Не совпадут со временем часы,
И в дереве простом проснется древо.

Не яблоневым выпуклым плодам,
Но вкусу тайн отдам я предпочтенье.
Как познававший суть свою Адам,
Мой старший брат по вечному рождению.

Так навсегда застряла в кадке
На страже слов — эдемская частица.
Вещает сад на райском языке,
Водоворот листвы в саду клубится.

И эта радость до того светла,
Так недоступна для корней секира,
Как будто снова: ни добра, ни зла,
Ни смерти нет и ни войны, ни мира.

* * *

Березы мглой обведены,
И пахнет вербой воскресенье.
Прибавив пять минут весны,
День удлинил часы волнения.

И я хотел бы, но не каюсь,
В том, что не значился в героях,
И Авель есть во мне, и Каин,
И страшно их признать обоих.

Расколотым сознанием всем
Я с разделенным миром связан,
Но в двуединстве том — никем
И не прощен, и не наказан.

Ну что еще: сырой воды
Напиться? Комнату проветрить,
Своей не в силах правоты
Ни доказать, ни опровергнуть?

Но так и прибывает век,
Налив бугристый мускул часа
Малиновою кровью вен,
Пульсирующей часто-часто.

* * *

Снова в сорочке родился апрель.
Дождь начинается нетерпеливый,
Дайте побыть хоть немного счастливым,
С линией жизни войти в параллель,

Не объясняя, какого рожна
Жду на кольце остановки конечной.
Дайте побыть хоть немного беспечным
И беззаботным: на то и весна!

Дождик задумался. Ветер затих.
Голос прорезался, бывший бесплотным.
Дайте побыть хоть немного свободным
От наваждений, от бредней чужих.

Сердце стучит — и нагрудный карман
Внутренний ритм выдает за холстиной.
Дайте побыть хоть немного безвинным
И не ссылаться на самообман.

С детства привыкшему час торопить,
Мне на пути из камней преткновенья
На пять минут со своим откровеньем,
Мной не рассказанным, дайте побыть.

**ЗАЧЕМ ТЫ
НЕПОНЯТНА,
ЖИЗНЬ?**

* * *

Прохладой лечат тополя,
Растущие вдоль серой трассы,
И звоном яблочного Спаса,
Как светом, залита земля.

Поля, цветочные ковры,
Гор низкорослые массивы
В своем убожестве красивы
И нищетой своей щедры.

Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманною Савранью,
Коней саврасых табуны.

Там время дремлет на цепи,
Живет не пуганое слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.

ЖУРАВЛИ

В доме утро — уже не засну.
Свежим холодом светятся щели.
С головой погружен в тишину
Листопад.

Журавли улетели.

Невзначай пронесли над крыльцом
Просьбу Ивика.

Слышно ли миру,
Как идет за ушедшим певцом
Божий промысел, вложенный в лиру?

И коснулись крылами долин,
Став для марева Мазандерана
Долголетьем без грустных седин,
Птичьей преданностью без изъяна.

Так октябрь завершает главу,
Острым клином и взмахом ладони.
Серый дождь закатился в траву
И о радуге что-то долдонит.

* * *

Весна уходит — остается сад.
Он сохранит ее влюбленный шепот.
Уходит время — остается опыт.
Которым горд, хоть сам тому не рад.

«Проходит все», — изрек мудрец,
но он

Недосказал: когда?
Сплошной зарницей
Накатывает жизнь со всех сторон.
Закончиться грозит, но длится, длится...

Случайный миг, продленный любованьем,
Так просто, словно правду — зеркала,
Тебе покажет, как луна кругла,
Не скучен сад, бессильно расставанье.

Пусть до утра горячка, — поделом.
Утихнет боль — останется терпенье.
И ветки хруст, и розовый излом,
Как вычерченный угол, —
...угол зренья.

ЛИСТОПАДНОЕ

Оборвется, а там и забудется речь листвы,
Будет некому вторить — замрет в подворотне эхо.
Лишь проникнешься просьбой:

«Да полно, оставьте вы...» —

И уже расхотелось куда-то спешить и ехать.

Выйдя, уши замкнешь, и помех посторонних — нет:
Тишина стоит, словно в пустом танцевальном зале,
Где в углу пианино и вытоптаный паркет
Вместо стертого лака сверкающим солнцем залит.

Но опять возвращаешься, чтобы начать с азов:
Ночь — итогом, звенящий рассвет — недосыпом.
В перебранке клаксонов, тушуясь под визг тормозов,
Листопад переходит на шёпот и сыпет, сыпет,

Со спины подбирается, в ногу с тобою идет,
Наполняется музыкой той, что ниспослана свыше.

Он, как внутренний голос,

который и в малом не врет,

Но шумами забит и поэтому еле слышен.

* * *

Как прежде, липы расцвели,
Над клумбой выпрямился ирис,
Прошла гроза. И мне открылись
Простые радости земли.

Их находить — иметь вдвойне,
Их пересчитывать — к убытку.
Так скарб накопленный улитка
Повсюду тащит на спине.

И завершает свой маршрут,
В душе не ведая разлада,
Так, что имеешь, то и надо
Тебе.

А больше — не дадут.

* * *

Крапающий дождик осторожно
Сеет на терновый первоцвет,
Тишины почти коснуться можно,
Только б не обидеть словом ложным,
Не спугнуть начавшийся рассвет.
Жизнь хоть в опрометчивой догадке,
Хоть в забвенье сладостном, но кратком,
Хоть в упадке, а возьмет свое.
Что ни капля, то и обещанье,
Но красноречивее молчанья
Купина зеленая ее.
Все здесь: дождик обложной и редкий,
Ниточка слезы по черной ветке,
Дух весенний, белые цветы,
Здесь же ореол венца суровый,
Здесь и тот, кто, создав шип терновый,
Исколол творящие персты.

ЧИТАЯ БУНИНА

1

Так легко о печали,
и о неизбежном так просто,
Так свободно о страсти,
о нежности так глубоко,
Словно груз одиночества
легче дымка пахитоски
И беспечнее солнца
густая прохлада Клико.

Пальчик, тронувший губы,
молчанием день опечатал.
Так дорога томительна,
так экспрессивна рука.
Будто нет красоты без любви,
а любви без печали,
И развязка всему
неожиданна и коротка.

Лучше не обещать,
не загадывать, не зарекаться,
Не искать аналогии,
краску сгоняя со щек,
Но и не отрицать,
и опять продолжать удивляться:
Так о смерти пронзительно, остро
...и в несколько строк.

Телеграфными верстами
 снег за пролеткой ложится.
Что теперь? Подскажи....
 Хоть намеком во сне покажись.
Будто все, что свершилось
 и что никогда не случится,
Но случиться могло бы —
 и есть настоящая жизнь.

Вот и пишется
 под наваждением улиц одесских,
Теплых, женственных...
 Или причина в другом?
Будто в мире людей
 даже словом обмолвиться не с кем
О своем сокровенном,
 не вымышленном, дорогом.

2

Если б не было темных аллей,
Я б в твои не заглядывал сны.
Так признанья всегда тяжелей,
Чем подспудное чувство вины.

Если слову не хватит огня,
Будет исповедь не горяча
И никто не услышит меня.
Бьют часы. Догорает свеча.

И становится небо светлей,
И горчит несвершеньем любви
Обаянье туманных аллей.
И прекрасней печали мои.

3

...А время, словно по заказу,
Стоит теплынное, грибное,
Мы, надышавшись до экстаза
Озоном, шли тропой лесною.

Туман упал росой, и всюду —
На травах дачного участка —
Сиял Покров. Такое чудо
В запарке видится не часто...

Основой сделаются вскоре
И лес, и утро с петухами
Для доверительных историй,
Что будут вровень со стихами.

Зажжется памяти лучина
И сожаление разбудит,
Но не о том, что не случилось, —
О том, чего уже не будет.

* * *

Ты едешь в ночь, я ухожу наверх
По спуску.

Медлю... Глохну под мостами.
Взлетев петардой, брызнул фейерверк.
Напомнил вновь, как грезят небесами.

Ты в неизвестность едешь, как во мглу,
Под монотонный гул таксомотора.
По лобовому черному стеклу
Текут цветные блики светофора.

Того, что не имел, нельзя отдать,
Как в числах видеть только чет и нечет.
И снова время тихое, как тать,
Крадет мечты, а говорят, что лечит.

Так под неверье проходных дворов,
Под выдумки, чье место на подмостках,
По неземному счастью гаснет зов
Космических орбит и перекрестков.

Сверну,
взгляну поверх домов туда,
Где желтый месяц кажется медовым.
Иная жизнь возможна,
как всегда,
Но мы пока и к этой не готовы.

* * *

Не болей, не грусти, что прихода
Светлой осени долго мы ждем.
Яблок цвета гречишного меду
Принесу в твой задумчивый дом.

Я спущусь по Матросскому спуску,
Мимо синих трамвайных путей.
Тебе подарю таракуцку,
Как тепло бессарабских степей.

В этой тыковке с круглой верхушкой,
Что, как праздник воскресный, красна,
Если высушить, как в погремушке,
Будут дробно шуршать семена.

Помнишь детство под Новым базаром,
Где дырявый стоял балаган?
Покупали — почти что задаром —
Мы такие у пестрых цыган.

Давних дней все длинней силуэты,
Вянут мальвы и зреют дожди,
Безоглядно кончается лето,
Будто снова вся жизнь впереди.

Не болей, мы поправим подушку,
Наше снадобье будет иным:
Желтой тыковкой с красной верхушкой,
С молдаванским названьем чудным.

* * *

Нас в прошлое не возвратят
Ни улицы ревнивый оклик,
Ни облупившийся фасад,
Не приобретший новый облик,
Ни, сохраняемые зря,
Рассыпчатые СМС-ки,
Ни патиною октября
Подернутые перелески,
Ни однострочное письмо
На поднятом листке кленовом,
Что по ветру летит само...
Чернильных слов подтек лиловый
Зальет и адрес, и число,
И где посланье это, если
Так много листьев намело
Под лестницу в твоём подъезде...

* * *

Сладко ль жить в отдалении мгlistом?
Виноградом кудрявится двор,
Свесься, жимолость веткой душистой
Прикрывает от света забор.

Затаенной обиды отраву
Пьешь упрямо глоток за глотком.
Ни к чему приворотные травы,
Что растут по дороге в твой дом.

Но, винясь перед ним за разлуку,
Так хотел бы вернуться с пути,
Чтоб его, как слепого за руку,
Через улицу перевести.

* * *

Что стало новым, в сущности, старо,
А что привычно, то непостоянно.
Парит орел над степью безымянной,
В траву роняет сизое перо.
Не мне прервать кружения спираль, —
Уже и так закручены сюжеты.
Я, как в твои глаза, взгляну сквозь даль
За оком, — ты будешь частью света.
Как неумело мы делили кров,
Я расскажу, — ты станешь частью речи.
Пусть поглощенный бляньем овечьим
День не поймет значенья этих слов.
Но можно ли стоять особняком?
Часть этой жизни оказалась долей.
Спешит за ветром перекасти-поле.
Кружит орел над серым большаком.

* * *

Придворных луж кривые зеркала,
Притворных чувств привычная усталость.
Дверь не закрыв, не подгадав числа,
Любовь ушла.

А женщина — осталась.

Она молчит. Ей тоже нелегко.

...Звонок с работы,

спор с коллегой-профи, —

И у нее сбегает молоко,

И слишком крепким получился кофе.

Ее немного жаль. Все в остальном,

Как водится:

Просохло полотенце.

Метлой зашаркал дворник за окном.

Как некогда, мигнув дверным глазком,

Настало утро.

Защемило сердце.

* * *

Я наслаждался маревом тумана,
Косым дождем, безмолвием ветвей.
Пустынной площадью и блеском оловянным,
Сырым свеченьем влажных фонарей.

Я столько долгих лет спокойным не был.
Я так легко свои оставил сны.
Стою один, и надо мною — небо
В серебряном окладе тишины.

Так открывалось женское начало
В мерцании огней как суть иных начал.
Мелькнул твой зонтик в глубине квартала.
До будущей любви. До встречи невзначай.

ТРАМВАЙ

Под шум окрестных камышей,
Под стук чечеточки колесной
Увозит, дребезжа несносно,
От этажей и гаражей,

От скуки, от душевной смуты,
Вдоль будок, свалки, ржавых свай
Предместьям преданный трамвай
Как вечный однолюб маршрута.

А я?.. Без рассуждений строгих
Легко в случайный идеал
Влюблялся.
Но любил не многих.
...За убежавшей рябью шпал

Разъезды таяли, канавы,
Тревог бесплодная среда,
Оплошностей дурная слава,
Тоска казенного труда,

Сумбурно прожитый сезон.
... Перетекала зелень в охру,
Октябрь покачивался в окнах,
И, охая, катил вагон.

* * *

Желтых листьев кленовый плюмаж
Перекресток бросает на ветер.
Я хотел бы не знать эту блажь,
Видеть то, что другой не заметил.

Я б хотел, чтобы осени бред
Канул в облаке ретроспективы,
Или грусти лирический бренд
Стал подобен субботнему чтиву,

Или пластика глины сырой
Отвергала кувшин пустотелый.
Я хотел бы увлечься другой,
А тебя позабыть.
Я хотел бы...

* * *

Неба серая грустинка,
Запах веточки вишневой,
Где ты, перышко, снежинка?
Улетаешь? Таешь снова?
Вспыхнешь елкой новогодней.
Поцелуешь ли? Прогонишь?
Пусть не мне, — кому сегодня
Голову на грудь уронишь?
Неуступчивее жести
Правда. Только все от Бога.
Нам нельзя ни шагу вместе
И нельзя одной дорогой.

* * *

Когда к утру печали снова
Отступят, полно врать им в спину,
Что их приход не обоснован
И не оправдана причина.

Заведомо теряясь в шуме,
Они едва ли виноваты,
Что слишком долгое раздумье
Пробелом в памяти чревато,

Что тают в воздухе фантомы,
Похожие на наши лица.
И стал не нужен ключ от дома,
Где мы могли уединиться.

* * *

Вне желанья нас развело навсегда
То ли далями, то ли веками.
Пусть плывут мимо окон твоих поезда
И ворон разгоняют гудками.

Мне не нужно угадывать, кто это там
На прощание с насыпи машет.
Пусть тебя приближают к твоим облакам
Тертых лестниц скрипучие марши.

И ромашек разбрызганное молоко,
И пылинок светящихся танец.
Если мысли взлетят высоко-высоко,
То никто их с небес не достанет.

Но давно уже нам не судачили вслед
Остряки языкатой Слободки,
Притаившихся наших теней силуэт
Затмевает весна в папильотках,

Время чинит потрепанных улиц старье,
Но болеть новизной не дешевле.
И чем длительней благодаренье мое,
Тем и горестней, и задушевней.

* * *

Паровоз отчаливает плавно,
Чудотворно время отпусковое:
Спать ложишься на «Одессе-главной»,
А проснешься в утреннем Джанкое.

Городишко с именем татарским
Неприглядный, в сущности, — заштатный.
Я не в ссылку от опалы царской
Еду в Крым.
Побуду — и обратно.

И никто на свете не обяжет
В оправданье выдвигать резоны.
Как положишь карту, так и ляжет.
...Увядают розы на газонах.

Киснет пиво.
Мух столпотворенье...
Или больше некуда податься,
Чтобы изменилась точка зренья
От побочной смены декораций?

Или нужно ехать в даль такую,
Чтоб услышать в тон слезе болезной,
Как сакрально эту жизнь толкует
Мой попутчик голосом нетрезвым?

* * *

А под репейником спала,
От капель спрятавшись, пчела.
И под мохнатой лебедой
Жук притаился золотой,
И бабочки сложили крылья,
И луг запах прибитой пылью, —
До неприметности знаком,
До удивленья неожидан,
Когда ему простым дождем
Был елисейский образ придан.
А чем еще в своей весне
Рассвет с горчинкой молочая
Захочет приоткрыться мне?
Чего еще наобещает?

ВЕСЕННЕЕ

Пусть нет ни слова правды в новостях
И стрелочников ищут на путях,
Есть передышка от житейских драм,
Когда в свистульки ласточки свистят,
И на асфальте камешки блестят,
И март разносит почту по дворам.

Пейзаж округи лучше, чем багет.
Рельефней шаг, чем многократный след,
Светлее двор, сто раз открытый вновь.
С весной иначе даже кран течет,
Сантехники, часам теряя счет,
Пьют «из горла»: наверно, — за любовь.

А чем не повод?! На закуску — сыр!
Один глоток — и ближе сердцу мир.
И осеняет умиротвореньем,
И золотится плюшевый от верб
На перспективу шурящийся сквер,
Что ни скажи, — божественною ленью.

* * *

То не осень давит смогом,
Не подкатывает старость, —
В шлепанцах на босу ногу
Подбирается усталость,

И ворчит на многолюдье
Дней, особенно под вечер,
И сшивает их лоскутья
В плед, накинутый на плечи.

От забот сбежав на дачу,
Скинув кошку с табурета,
То ли дремлешь, то ли плачешь
Над прочитанной газетой.

По утрам подолгу сплю,
Стережусь нравоучений.
Баснями синиц кормлю,
Чтоб не выдать огорченья.
 Поскучнел. Забросил дом.
 Парадокс подобен кругу:
 Мы не можем жить вдвоем
 И не можем друг без друга.
Город в тающем снегу...
Весь во власти вечной темы
Привыкаю, как могу,
Обходиться без проблемы.
 Уклоняюсь от долгов,
 Устраняюсь от вопросов, —
 Молчалив, как птицелов,
 Одинокий, как философ.
Раз придясь не ко двору,
Злюсь на фарт.
 К прогулкам пешим
Приноравливаюсь.
 Вру,
Что дела идут успешно.
 Переход... В текучке дней
 Постовой вздыхает тяжко,
 Машет палочкой своей
 Полосатой, как тельняшка.
Март. Ломаю невпопад
Представлений прежних рамки.
А над крышами кружат
Стай весенних бумеранги.

* * *

Пока искал необходимое,
Освобождаясь от ненужного,
Прошли года, ушла любимая,
Следы задули ветры южные,

На смену им пришли восточные...
Штиль нависал туманом матовым,
Пока я рвал круги порочные
И нити прошлого разматывал.

И соль была к слезе подмешана,
И растворен глагол в причастии,
И не были уравновешены
Качанья маятника частые

От сплина до стремленья выведать,
Что кроет ночь за мраком створчатым,
От заблуждения до вывода,
От одиночества до творчества.

* * *

Однажды здесь была она,
Сидела, в зеркало смотрелась,
Перебирала нитки, грелась,
Горячим кофе у окна.

Сменила выраженье грусть,
Остались от нее в грядущем
Гадания на черной гуще,
Давно беспочвенные пусть.

В век электронных скоростей
Уместно ль придавать значенье
Возникшим числам, совпадениям
Неясных знаков,

вензелей,

Растекшихся?..

На донце блюда

Желанья давние сольются

И домысел внезапный...

Что ж!

В гаданье правды ни на грош.
Но, обнадежен пустяками,
Ты обжигашься глотками
И торопливо кофе пьешь.

* * *

Ну вот:

 поднялся грай столбом
На поиски вороньих хлопот.
И упершись в пространство лбом,
Подъезд летучей дверью хлопнул.
Процокал каблучками двор,
Оставив хроники подстрочник,
Сосед свой запустил мотор
С седьмой попытки

 и молочник,

Со звоном отомкнув бидон,
Товар нахваливает бойко.
Взимает уличный шансон
За недомолвки

 неустойку.

Сказать бы, только голос рвется.
И слово режет слух уже,
Как можешь — так не по душе.
Как хочешь — так не удается.

ШАЛЯПИН В АНАНЬЕВЕ

День занялся как день. Скрипела упряжь,
Мелькали спицы в медленной пыли,
Но, табачку нюхнув, очнулось утро,
И тараканьи слухи поползли.

Знал местный пристав, забожился кучер,
Сболтнул портье о том, что в номера
Вселилась знаменитость.

Был закручен

Сюжет. У дам дрожали веера.

Сходились долго, мялись в ожиданье.
Корсеты жали, прели котелки.
Ни на одно казенное собранье
Так из шинка не перли мужики.

Оставили своюстряпню кухарки,
И в кузнице затих железный звон...
Под каблуками сплющились сигарки.
И вот Шаляпин вышел на балкон

И дал концерт из трех любимых арий.
Пел, как на сцене, — так гласит молва!
Кирпичный городок со взглядом карим
Застыл, чтоб лучше влущаться в слова.

Но дьяк Терентий, по пути заляпав
Случайной непотребностью сапог,
Паскудил слух: «Та не был тут Шаляпин,
А значит, петь он здесь совсем не мог».

Хромали годы, пятились, как раки,
Разгульным первачом текла казна,
Смешала память истины и враки,
В ставок катилась под гору луна.

У тына затихал казацкий говор,
Что правда есть, да нет в ней всех страниц.
Над чистотой вокала местный гонор
Торжествовал под ржанье кобылиц.

Но суть важней, чем достоверность были.
Народ неловок, да в речах хитер.
Пускай бы врали, только бы любили
Базар, управу, постоялый двор,

Крикливых галок, арии и лужу,
Что дулю даже миргородской даст.
Пускай не верят. Любят! — это лучше.
Пусть не всегда. Пусть хвастают подчас.

Вот вам Ананьев! Чем далось, тем живы.
Детей рожали, славили Христа.
А дивное преданье старожилы
Сто лет передают из уст в уста.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ

Утро тише, чем полночь,
И домишки — дома.
Здесь и лето — Бог в помощь,
И зима не зима.

И не холод за ворот
Веет, а холодок.
До свидания город,
А, скорей, — городок.

Сбитых лестниц считалку,
Номерную кровать
И отрадно и жалко,
Не освоясь, бросать.

Иль в транзитной системе
Мой приют, как сумел,
Оторвал хоть на время
От навязчивых дел,

Или, может, за то, что
Дал тепла и огня,
Любопытством дотошным
Не пытая меня.

* * *

Вагон. Трех фонарей созвездье.
Безадресный вопрос: «Куда вы?»
За чьей, как видно, важной вестью
Уходят в странствия составы?

Походной жизни атрибуты:
Перроны выметает ветер,
И голуби клюют минуты,
Часов вокзальных не заметив.

Как жить, не убегая в сказку,
Реальность наблюдать и слушать,
И с миром оставаясь в связке,
Своей свободы не нарушить?

Благодарить сквозняк духмяный,
Благословить гнездовья будок,
И дом, где нас добром помянут,
И ночь, в которой нас забудут.

ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬВАР

Тот бег пролетки, те особняки,
Ограды, город в солнечной сирени
От установок века далеки,
Как новострой от искры вдохновенья.

Но предстает, шагнув из-за угла,
Давя каноны, принципы и мерки,
Конгломерат бетона и стекла,
Куражась всласть, как черт из табакерки.

Не так ли мстит бездарность мастерам,
Им возразив архитектурной чушью
От градоустроительных программ
Чужих в основе и по духу чуждых?

Теперь над бывшей дачею Рено
Клубится пыль: точней — над гаражами.
Тот город канул в летопись давно.
Здесь правят бал другие горожане.

Как возвратиться на круги своя,
Когда сошел с намоленного круга?
А двух культур не сходятся края,
И чем старей, тем дальше друг от друга.

ЛЕРМОНТОВ

*...летал над грешною землей.
Демон*

А что опала? — списывать висты,
Охочим слыть до поцелуев ручек.
Недолог шаг от строчки до беды,
Но своенравен молодой поручик.

Как ни пленялся он Машук-горой,
Кавказ был к сантиментам равнодушен.
Час не ровён. Неровен конный строй,
Мундира ворот и высок, и душен.

Пускай к лицу, — а все сидит не так.
Фуражных трат давно обрыдла сверка.
...Он оказался первым, кто в стихах
Дерзнул смотреть на эти горы сверху.

Их снежный свет не так слепил глаза,
Как ощущение горного полета.
А что земля? Все то же: пунш, гроза
Войны, галоп крутого разворота.

И так же нервно чертит карандаш
Шальных коней летящие наброски.
А после — ночь, немая, как мираж.
И дольше ран болят их отголоски.

* * *

Здесь был Австрийский пляж.

И синева...

И в якорях матросская братва,
И дембеля, поправшие рейхстаг.
Пила «ерша» по кругу стайка урок.
Здесь, кашлянув для бодрости в кулак,
Пыхтел завод, как маленький окурок.
Но именно сюда под настроенье
Приходишь ты, подобно моряку,
Что, маясь у судьбы на иждивенье,
Остаток дней на пресном берегу
Надумал посвятить стихосложению.
И море, очертив урез воды,
Настолько долго бьет в пустые плиты,
Что стачивает грани монолита.
И, кажется, смывает все следы.

КАНАТОХОДЕЦ

...Идет, не отклоняясь, по прямой,
Подобно тем, кому дано от Бога
Пройти своей единственной дорогой,
Прочерченной... хоть этой бечевой.

Он под зонтом, как свет под абажуром,
И вниз ему смотреть запрещено,
И выпирает дрожь мускулатуры
Из-под дурацкой клетки домино.

Но что нам три аршина поднебесья
В чужой, на дыбу поднятой судьбе?
И третий полюс — крайность равновесья —
Не вызывает зависти к себе.

Он знает цену головокруженью
И достиженью цели наперед.
Он помнит о возможности паденья:
Подумает о нем — и упадет.

* * *

Елене Миленги

...А из тайн, воссоздающих нас,
Только две вживляют в мир огромный:
Первый крик рожденья мы не помним
И не знаем свой последний час.

Как тебе в заоблачную высь
Подниматься, растворяясь в блеске?
...Не касайся ветром занавески.
Отлетай легко. Прощай. Не снись.

Там в бесплотном царствии теней
Есть покой? А боль там ощутима?
Там ли спрятан ключ непостижимой
Третьей тайны, что других важней?

Вечная, она невдалеке.
Мы в миру зовём её любовью.
Ты не с ней ли там накоротке?
Будешь синей жилкой на виске,
Самородком гальки на песке,
Томиком стихов у изголовья?

Или струнной песней менестреля?
Как там: на неведомом пути?
...Отдохни и снова приходи
Сокровенной тайной колыбели.

* * *

Скрылась лунного диска медь,
Иглы елей задев лучами.
Не умеют филины петь,
Потому и кричат ночами.

Но в отчаянии своем
Бремя голоса обретая,
Никогда не споют вдвоем,
И тем более хором стаи.

* * *

Я был рожден, когда снега мело,
И с той поры к насущному причастен.
Я получил от матери тепло,
И откровенье, что слова лучатся,
От их числа захватывает дух,
И сказанные мысленно и вслух,
Они потом живут от нас отдельно,
И вместо нас, когда сильнее нас,
Для каждого, как этот снег.

Сейчас

Неслышный. А вчера — еще метельный.
Толпятся зимы. Давнее тепло,
Как комната пустая остывает.
А снег идет. Задумчиво, светло.
Пластом холодным землю согревает.

О СТИХАХ

Мир ни тоской не удивлен,
Ни злом, ни звоном колоколен.
Он вовсе не стихами болен.
И не стихами исцелен.

А ты мирских фатальных черт
Непреднамеренный носитель
Скорей всего не их ревнитель,
А созерцатель-интроверт.

Но то, что молча пережить
Ты мог бы, — отдаешь бумаге.
Мир не поймет такой отваги
И не подумает простить

За непрактичные труды
В минуты радости случайной,
За поиски в надежде тайной
Примеров мудрой простоты.

* * *

Василию Дроботу

О, жизнь, зачем ты коротка?
За спешкой по ступеням шатким
Не успеваешь надышаться
Росистой свежестью цветка.

Стучит походная клюка?
Или коса?
Не вопрошать бы...

Жизнь, для чего ты так длинна?
Как сведший рельсы в перспективу
Долинный крик локомотива,
Как ожиданье у окна
Не женщины — хотя бы сна.

...Ты не добра, но справедлива.

Зачем ты непонятна, жизнь:
Что следствие, а что предтеча?
И векторы противоречий,
Как пальцы нервные, сплелись.

В одно дыхание вложись,
Хоть потакая, хоть переча.

О, жизнь, как твой баланс не прост
От недоимки до излишка.
Ты двадцать пятый кадр, ты вспышка,
Миг, ударяющийся в рост.

...Вчерашний толкователь звезд.
Сегодня — вновь пригодишка.

Шагнешь: и незакрытый тыл,
Как мелкий гвоздь в ботинке выпер.
Крапленой картой случай выпал.
О, жизнь, я у тебя просил
Любви, чтоб жить хватало сил.

А ты мне предлагаешь выбор.

* * *

Пора троллейбусов ночных.
Трамваев медленных, — последних,
Грусть увозящих, гомон, сплетни,
Надежду каждых выходных

Начать, как в школе, с буквы «А»,
Учителей перебивая.
...Дорожкой лунной мостовая
Предстала в новом амплуа.

Включенного окна формат
Загадкой наделен портретной:
Повсюду, словно всадник медный,
Его преследующий взгляд.

Игра в гляделки. Бой часов.
На шторах тонкая тесемка,
И встречи, как головоломка,
Двух параллельных проводов.

* * *

Не ты ли рвался, Одиссей,
Развеять ветром скуку?
Зря не поверил сброд гостей
Убойной мощи лука.

Твой дом туманит тишина,
Слуга фиал подносит,
И снова теплая жена
Готова быть на сносях.

Забыл ты в унисон молве
Среди вороньих пугал,
Что в каждой смолкшей тетиве
Заложен острый угол,

’
Что уходил ты лишь затем,
Чтоб возвратиться снова.
Но час воздать приходит всем
По ремеслу и слову.

Дай грянуть веслам веселей,
Дай лирнику работу
Протяжный список кораблей
Подвергнуть пересчету.

Чтоб скукою покой не стал,
Елены ждут и руны.
Я тоже повернул штурвал,
Как колесо Фортуны.

* * *

То ли жердью забор подпереть,
То ли песню хмельную запеть
Про челны, что выходят на стрежень.
И грудную выделывать клеть,
Как чеканщик червонную медь,
Создавая свой внутренний стержень.

Позвонки мои ношу не трут,
Не изведен костяшками кнут,
Знай держи не согбенной осанку.
Но за эти раденье и труд
Не пожалуют, не проклянут,
В ночь не высадят на полустанке,

Не обманут на шатком мосту,
Плыть по Стиксу с монетой во рту
Не отправят. Да что за нелепость?!
Но, сравнив с прямизной прямоту,
Нет да нет, а дадут по хребту, —
Не со зла, но проверить на крепость.

ПЕТР

Пришел преображенный месяц
Со сдобой, с красными кистями.
Восходят звезды.

Тесто месит

В макотре с круглыми краями
На кухне бабушка Наталья.
И утерев платком крестьянским
Слезу, передает с печалью
Рассказ о ночи Гефсиманской.

Что хуже нет греха, чем страх,
И жалок стыд, грядущий после.
О твердости своей апостол
Забыл, как видно, впопыхах.

Суровый Петр глядит с иконы.
Ну что ж он, камень, самородок?
... Трясется крепкий подбородок,
Насмешливо кричат вороны.

Слаб! Но по умыслу ли злему?
Отрекся? Да! Но ведь не предал...
Не позавидуешь святому
За горечь ту, что он изведал.

Я потрясен в свои двенадцать
Рассказом, полным парадоксов.
Я бабушке боюсь признаться,
Когда уже зарей на стеклах
Играет жизни торжество:
— Я всех простил, я не отрекся
Ни от кого...

* * *

Давняя молодость бродит в степи.
Вечное море у камня рябит.
Шлюпка на привязи. Рыжий от солнца
Якорь тоскует, как пес на цепи.

Голые ребра, в груди синева.
Лишь ожиданьями память жива.
Доски с бортов на растопку жаровен
Порастащила давно пацанва.

Свистнув сквозь дыры в карманах пустых,
Ветер умчался дурачить других.
На косогоре за яхтенным клубом
Дремлет маслина. И флюгер затих.

— Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.

Лодка лежит на песке тяжело.
Годы движенья сточили весло,
Стерся канат, парусина истлела.
Прежде болело.
Потом отлегло.

СОДЕРЖАНИЕ

Дробот В. Средство свободной речи 3

ТАК ПРИБЫВАЕТ ВЕК

Влюбленным в город одесситам	8
«Как гул со штормовым предупреждением...»	9
«Холод вкрадчивый, как аноним...»	10
«Ах, родина, лучистая вода...»	11
«Угловатые контуры крыш...»	12
«Как сон, проходит пуля стороной...»	13
«Рельс, как блестящий след болида...»	14
«Наверно, ангел мой в трубу...»	15
«День базарный, плачется гармошка...»	16
«Не нужно им ни званий, ни наград...»	17
«Предположений больше, чем открытий...»	18
«Мы будем охать и терпеть...»	19
Ходики	20
«Его душа — ровесница Земли...»	21
«Глянешь в форточку — словно занозы...»	23
«...И все ж, дурачась, ветерок...»	24
Дом	25
На кухне	26
Домовой	27
«Я чувствовал, хотя не знал...»	28
Грибник	29
На Кинбурнской косе	30
Переправа	31
Исповедь палача	33
Моисей	35
«Опять качнутся осенью Весы...»	36
«Березы мглой обведены...»	37
«Снова в сорочке родился апрель...»	38

ЗАЧЕМ ТЫ НЕПОНЯТНА, ЖИЗНЬ?

«Прохладой лечат тополя...»	40
Журавли	41
«Весна уходит — остается сад...»	42
Листопадное	43
«Как прежде, липы расцвели...»	44
«Крапающий дождик осторожно...»	45
Читая Бунину	
1. «Так легко о печали...»	46
2. «Если б не было темных аллей...»	47
3. «...А время, словно по заказу...»	48
«Ты едешь в ночь, я уйду наверх...»	49
«Не болей, не грусти, что прихода...»	50
«Нас в прошлое не возвратят...»	51
«Сладко ль жить в отдалении мгlistом?..»	52
«Что стало новым, в сущности, старо...»	53
«Придворных луж кривые зеркала...»	54
«Я наслаждался маревом тумана...»	55
Трамвай	56
«Желтых листьев кленовый плюмаж...»	57
«Неба серая грустинка...»	58
«Когда к утру печали снова...»	59
«Вне желанья нас развело навсегда...»	60
«Паровоз отчаливает плавно...»	61
В лодке	62
«А под репейником спала...»	63
Весеннее	64
«То не осень давит смогом...»	65
«По утрам подолгу сплю...»	66
«Пока искал необходимое...»	67
Ученик	68
«Однажды здесь была она...»	69
«Ну вот: поднялся грай столбом...»	70
Шалапин в Ананьеве	71
Командировочное	73
«Вагон. Трех фонарей созвездье...»	74
Французский бульвар	75

Лермонтов	76
«Здесь был Австрийский пляж...»	77
Канатоходец	78
«...А из тайн, воссоздающих нас...»	79
«Скрылась лунного диска медь...»	80
«Я был рожден, когда снега мело...»	81
О стихах	82
«О, жизнь, зачем ты коротка?..»	83
«Пора троллейбусов ночных...»	85
«Не ты ли рвался, Одиссей...»	86
«То ли жердью забор подпереть...»	87
Крымское утро	88
Петр	89
«Давняя молодость бродит в степи...»	90

Китик В. А.
К452 Внутренний голос : поэзия / Влади-
слав Китик. — Одеса : Астропринт, 2017.
— 96 с.
ISBN 978—966—927—230—0.

«Внутренний голос» — новая книга стихов одесского поэта Владислава Китика. В них звучат основные мотивы философской лирики. В основу автор положил раздумья о смысле жизни и нравственных человеческих ценностях. Говоря о родине, он внимательно всматривается в драматические приметы настоящего, в котором звучит тревога за день завтрашний. Главной задачей лирического героя является самовыражение, способ находить содержание и значимость в самых обыденных вещах.

УДК 821.161.1(477)-1
ББК 84(4Ук=Р)7-5

«Внутрішній голос» — нова книга віршів одеського поета Владислава Китика. У них звучать основні мотиви філософської лірики. В основу автор поклав роздуми про сенс життя і моральні людські цінності. Говорячи про батьківщину, він уважно вдивляється в драматичні прикмети сьогодення, в якому звучить тривога за день завтрашній. Головним завданням ліричного героя є самовираження, спосіб знаходити зміст і значимість у найбуденніших речах.

Літературно-художнє видання

КИТИК

Владислав Адріанович

ВНУТРІШНІЙ ГОЛОС

Поезія

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*

Коректор *Н. І. Крилова*

Технічний редактор *Т. В. Іванова*

Формат 70×90/32. Ум. друк. арк. 3,51.
Тираж 200 прим. Зам. № 106 (29).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.ua, www.stranichka.in.ua
e-mail: astro_print@ukr.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 1373 від 28.05.2003 р.